

ФРАНКО-ИСПАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ЛЮДОВИКА XI

Проф. А. Розенберг

В истории дипломатических отношений западноевропейского средневековья немного найдётся столь интересных и благодарных сюжетов, как испанская политика короля Франции Людовика XI. А между тем она всё ещё не достаточно освещена в исторической литературе¹. Особенно слабо освещены франко-испанские отношения в первые го-

ды царствования Людовика XI, в частности весьма важный по своему историческому значению эпизод — арагоно-кастильский арбитраж этого короля (апрель 1463 г.).

¹ Работы, охватывающей испанскую политику Людовика XI в целом, вообще не существует. Имеющиеся исследования касаются главным образом взаимоотношений Франции с отдельными испанскими государствами. Франко-кастильские отношения весьма поверхностно освещены в небольшой монографии G. Daumet «Etude sur l'alliance de la France et de la Castille au XIV-e et au XV-e siècles». Paris. 1898. Каталонской и отчасти арагонской политике Людовика в период востанания Каталонии (1461—1472) посвящена более обстоятельная монография J. Calmette «Louis XI Jean II et la révolution catalane». Toulouse. 1903. Этим же автором написана небольшая работа специально по руссильонскому вопросу — J. Calmette «La question du Roussillon sous Louis XI». Toulouse. 1896. Франко-наварские отношения эпизодически освещены в работах H. Courteault «Gaston IV, comte de Foix». Toulouse. 1895; P. Boissonnade «Histoire de la réunion de la Navarre à la Castille». Paris. 1893; Basile de Lagrèze «La Navarre française». T. I. Paris. 1881.

Ко времени вступления Людовика XI на престол Франция находилась в союзнических отношениях с обоими крупными государствами христианской Испании: Кастилией и Арагоном. Союзный договор между фран-

Документальная база всех этих монографий в настоящее время устарела: авторам не был известен ряд документов, опубликованных уже после выхода в свет их сочинений. Из работ, посвящённых Людовику XI и его царствованию, особое внимание испанской политике уделено в новейшей, написанной в виде популярной книжки (без ссылок) — J. Calmette «Le grand regne de Louis XI». Paris. 1938. Что же касается во многих отношениях лучшей из монографий о Людовике XI — P. Champion «Louis XI». T. I—II. Paris. 1928, то она по указанному вопросу не даёт почти никакого материала. В испанской литературе вопрос освещён очень слабо (см. A. Ballesteros y Beretta «Historia de España y su influencia en la historia universal». T. III. Barcelona. 1922 (работа эта составлена с тщательным учётом всей литературы по истории Испании по 1921 г.).

цузским и кастильским королевствами² был заключён первым же представителем кастильской династии Трастамаре Энрике II (1369) и с тех пор возобновлялся при вступлении на престол каждого нового французского короля. Кастильская королевская династия Трастамаре овладела престолом при поддержке французского оружия. Французский король Карл V в высшей степени благосклонно относился к узурпатору-царевичу — графу Энрике Трастамаре, а знаменитому французскому кондотьеру Дюгеклену более, чем кому-либо другому, новый кастильский король обязан был своим воцарением.

Поставив ставку на Энрике Трастамаре, Карл V не пресчитался: новая кастильская династия в своей внешней политике ориентировалась на Францию. Делала она это тем более охотно, что потомство убитого короля Педро Жестокосердого нашло приют и поддержку своим притязаниям на кастильский престол при английском дворе. Напомним, что события, о которых идёт речь, относятся ко времени Столетней войны между Англией и Францией. Кастилия неоднократно помогала своим союзникам-французам против англичан, действуя главным образом на море, что было особенно важно ввиду относительной слабости французского флота³.

Как сообщает «Хроника короля дон Хуана II Кастильского», английская дипломатия во время арагоно-кастильской войны 1429—1430 гг. приложила немало усилий к тому, чтобы добиться ликвидации франко-кастильского и заключения вместо него англо-кастильского союза. Кастилии была предложена помощь в войне против Арагона, которую ей не могла оказать её союзница Франция, сама находившаяся в это время в крайне затруднительном положении; однако кастильцы собственными силами справились с противником, победоносно окончили войну и остались верны союзу с Францией⁴.

Отметим ещё одно обстоятельство, имеющее особо существенное значение, в связи с нашим дальнейшим изложением: по утверждению хрониста Диего де Валера, в 1461—1462 гг. в Кастилии наблюдались сильные

беспокойство в связи с тем, что новый король Франции Людовик XI в течение двух лет не проявлял готовности возобновить традиционный франко-кастильский союзный договор. Беспокойство кастильцев вполне понятно. Союз с Францией укреплял международное положение Кастилии, благоприятствовал развитию торговых связей с северной соседкой и таким образом содействовал экономическому росту страны⁵.

Арагон, в противоположность Кастилии, отнюдь не был давним союзником Франции. Ко времени вступления Людовика XI на престол франко-арагонский союз насчитывал ещё не полную четырёхлетнюю давность. Интересы Арагона в Лангедоке и Провансе, с одной стороны, и Франции в Каталонии, Руссильоне и Сердани, — с другой, были столь значительны, что обе стороны всегда относились друг к другу с известным подозрением. Образование в первой половине XV в. арагонской срезимой империи, включившей в свой состав Сицилию, Сардинию и Неаполь, ещё более осложнило отношения Арагона с Францией⁶. Необходимо, однако, отметить, что уже в 40-х годах возникли обстоятельства, которые независимо от всех колебаний международной политической конъюнктуры толкали Карла VII и Хуана II (сперва наместника, а с 1458 г. — короля Арагона) на путь сближения. Дело заключалось в том, что и Карл и Хуан враждовали со своими сыновьями-наследниками: дофина Людовиком и инфантом-примогенитом Карлосом Вианским. Семейный конфликт и во Франции и в Арагоне вскоре превратился в борьбу большого политического значения. Дофина, будущего короля Людовика XI, которому суждено было нанести решительный удар французской феодальной знати, поддерживали в период его борьбы с отцом (начиная с знаменитой *Praguerie* 1440 г.) как раз крупные сеньеры Франции, недовольные наметившимся ещё во второй половине 30-х годов усилением власти короля Карла VII.

Классовая база противокоролевской оппозиции в Арагоне, знаменем которой являлось имя Карлоса Вианского, была много сложнее. Она включала в свой состав весьма разнородные элементы, как аристократические, так и демократические. Движение было направлено главным образом на защиту от покушений со стороны королевской власти на вольности и привилегии (особенно локальные), которыми была так богата средневековая конституция арагоно-каталонно-валенсийской федерации.

Необходимо, однако, сказать несколько слов о Карлосе Вианском⁷. Это была недю-

² Опубликован у G. Daumet «Etude sur l'alliance de la France et de la Castille au XIVe et au XVe siècles». Paris. 1898, pièce justificative, № 31, p. 163—168. Ещё ранее, в 1345 г. был заключён союзный договор между королями Франции и Кастилии Филиппом II и Альфонсом XI (ibidem, №№ 12—13, p. 140—146). Однако в результате политики преемника Альфонса Педро Жестокосердого, лавировавшего между Англией и Францией, договор этот фактически утратил значение.

³ «Cortes de los antiguos reinos de Leon y de Castilla». T. III, p. 263—264. Madrid. 1866; A. Lecoy de la Marche «Le roi René». T. I, p. 320, Paris. 1875. Daumet. Op. cit., p. 17, 72.

⁴ Cronica del rey don Juan II. Cronicas de los reyes de Castilla. T. II (Biblioteca de autores espanoles. T. LXVIII), p. 482, col. I. Madrid. 1877.

⁵ Diego de Valera «Memorial de diversas hazanas». Cronicas de los reyes de Castilla. T. III (Biblioteca de autores espanoles. T. LXX), cap. XIX, p. 23, col. I. Madrid. 1878. См. заявление кортесов о выгоде Союза с Францией — Cortes, T. III, p. 810.

⁶ О франко-арагоно-неаполитанской проблеме см. прежде всего Arm—Ad Messer «Contribution à l'histoire des aragonnais de Naples». These de Dijon. 1909.

жинная натура. Как поэт и историк, он оставил известный след в истории испанской культуры. По словам современников, примогенит обладал исключительной способностью привлекать сердца людей. Всё же основная причина популярности Карлоса заключалась не в его личных качествах, а в широко распространённом среди подданных короля Хуана недовольстве стремлением последнего к усилению своей власти, ибо королевская власть в арагоно-каталонско-валенсийской федерации в силу целого ряда предпосылок не имела под собой столь мощной социальной базы, как во Франции или даже в Кастилии.

Возвращаясь к вопросу о франко-арагонских отношениях, укажем, что борьба между Хуаном и Карлосом открывала перед Карлом VII французским весьма заманчивые перспективы в расположенной между Францией, Кастилией и Арагоном Наварре. Это маленькое королевство не входило в состав арагоно-каталонско-валенсийской федерации и досталось Хуану в результате его женитьбы на наследной инфанте Наварры—Бланке. Дети от этого брака и были Карлос Вианский, Бланка и Элеонора. Карлос управлял в течение ряда лет Наваррой в качестве наместника и считал себя как внук последнего короля из Наваррской династии, имеющим больше прав на престол Наварры, чем его отец Хуан Арагонский.

В 1455 г. Хуан лишил примогенита как управителя страной, так и прав на наследование наваррской короны и передал и то и другое своей дочери Элеоноре и её мужу Гастону IV, графу де Фуа, вассалу короля Франции⁸. Гастон IV являлся проводником французского влияния в Наварре. Он опирался на многочисленных французских переселенцев⁹ и на своих, фуасских вассалов (тоже французов), которые с оружием в руках прибывали по его зову в Наварру. В борьбе против Карлоса, не желавшего подчиниться отцу и отказаться от Наварры, Гастону не раз и совершенно открыто, войском и казною, помогал его сеньёр—французский король.

⁷ Биографии Карлоса Вианского посвящён очерк М. Quintana «El Principe de Viana» (*Vidas de los españoles celebres. Colección de los mejores autores españoles*). Т. XXXIV. I parte, p. 7—101. Paris. 1845. Автор очерка—один из наиболее радикально настроенных испанских либералов первой половины XIX в.; имя его с явной симпатией упоминается Марксом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 733). Однако работа Киптана грешит идеализацией Карлоса. Более вдумчивый и критический подход обнаруживает автор позднейшей французской монографии о Карлосе Вианском (*Des devises du Désert «Don Carlos, prince de Viane»*. Paris. 1889).

⁸ «Colección de documentos ineditos para la historia de Espana». Т. XL, p. 541—573. Madrid. 1862.

⁹ Некоторые данные о французских переселенцах в средневековой Наварре приводит, между прочим, В. Шинмарёв в статье «Баскский язык». Сб. «Культура Испании». М. 1940.

Карлос Вианский тщетно пытался склонить на свою сторону короля Франции или по крайней мере добиться его нейтралитета. С этой целью примогенит предпринял даже поездку в Париж в 1456 г., но его ждал там более чем холодный приём¹⁰.

Создавшаяся в Наварре ситуация немало содействовала политическому сближению Карла VII и Хуана. Сближение же привело к заключению 17 июня 1458 г. союзного договора, известного под названием Валенсийского. По этому договору, стороны обязывались поддерживать друг друга в борьбе против врагов и мятежников, причём называлось имя Карлоса Вианского как мятежника и врага короля Хуана. Как бы противовесом этому акту является сохранившийся проект договора между дофином Людовиком и Карлосом Вианским, относящийся к 1461 году¹¹.

Особого напряжения достигла борьба короля с примогенитом в 1460—1461 годах. В декабре 1460 г. Хуан заточил Карлоса в тюрьму с тем, чтобы организовать судебный процесс, который должен был дать материал для обоснования лишения примогенита прав наследования арагонской короны. Но вмешательство многочисленных сторонников Карлоса, особенно каталонцев, вынудило Хуана в марте 1461 г. выпустить своего узника. Затем последовало величайшее для Хуана унижение. Помимо и прямо вопреки его воле каталонцы объявили Карлоса пожизненным и несменяемым наместником барселонского принципата, как официально именовалось каталонское государство. Под страхом вооружённого восстания они заставили Хуана не только санкционировать это провозглашение и подтвердить признание прав Карлоса на наследование арагонского престола, но и ещё более расширить и без того исключительно широкие вольности и привилегии принципата¹².

Однако правление Карлоса в Барселоне продолжалось всего одно лето. В сентябре 1461 г. он скончался. Его смерть ещё более осложнила положение короля. Каталонцы

¹⁰ Documentos ineditos. Т. LXXXVIII, p. 409. Madrid. 1887.

¹¹ Текст проекта опубликован у J. Calmette Louis XI, Jean II et la révolution catalane pièce justificative № 1, p. 413—415. Toulouse. 1903. Сближение между престолонаследниками началось задолго до 1461 г., о чём свидетельствует документ, относящийся ещё к 1447 году. Из него видно, что Людовик оказал Карлосу Вианскому финансовую поддержку («Lettres de Louis XI, roi de France», éd. J. Vaesen et E. Charavay. Т. I pièce justificative XLIV, p. 218. Paris. 1883). См. также письма дофина к инфанту-примогениту 1460—1461 годов. Ibidem. Lettres. LLV, p. 126. CVIII, p. 142. Lettres de Louis XI relatives à sa politique en Catalogne, par F. Pasquier, NI, p. 25—26. Foix. 1895.

¹² Любопытно, что в апреле 1461 г. Карлос Вианский сделал попытку сблизиться со старым противником Карла VII—герцогом бургундским Филиппом Добрым. Du Fresne de Beaucourt G. «Histoire de Charles VII». Т. VI, p. 340, note 2. Paris. 1891.

объявили (впрочем, едва ли основательно) Хуана виновным в отравлении сына. Согласно акту, подписанному самим Карлосом, ему в качестве постоянного и несменяемого наместника барселонского принципата должен был наследовать его младший брат Фердинанд (сын короля Арагона от его второй жены Хуанны, будущий «католический король»). Ввиду малолетства Фердинанда реализация этого акта была бы равносильна передаче управления принципатом непосредственно в руки Хуана. Во избежание подобной перспективы каталонцы подняли вооружённое восстание¹³.

Вначале классовая база восстания, которым руководили патрициат и дворянство, охватывала почти все слои каталонского населения, несколько позже королю удалось использовать в своих интересах вспыхнувшее движение ремеслов (каталонские крепостные крестьяне). Что же касается демократических элементов городского населения, особенно Барселоны, то, несмотря на все попытки королевской агентуры привлечь их на сторону Хуана, они до самого конца оставались едва ли не самыми деятельными участниками восстания.

За несколько месяцев до того, как над Барселоной взвилось знамя мятежа, смерть Карла VII (22 июня 1461 г.) сделала дофина Людовика королём Франции.

Людовик поддерживал с барселонским принципатом дружественные дипломатические связи, особенно оживившиеся после смерти примогенита. Из Франции в Барселону прибывали импозантные посольства, каких редко удавалось даже столицам крупных королевств. Исключительно теплы и многообещающи были письма Людовика к управлявшему принципатом после смерти Карлоса (фактически республиканскому) правительству¹⁴.

О том, какими устремлениями определялась каталонская политика Людовика, свидетельствует отданный им в это время приказ о розыске во французских архивах документов, подтверждающих «наследственные права» короля Франции на Каталонию¹⁵. Дело в том, что бабушка Людовика, мать его матери — Марти Анжуйской — Иоланта, происходила из угасшей династии барселонских графов. Отец Иоланты Хуан I и дядя её Мартин I были также королями Арагона. Нетрудно догадаться, что Людовик рассчитывал на то, что в обстановке восстания против короля Хуана сможет создаться такая ситуация, при которой Каталония, как спелый плод, сама упадёт ему в руки.

Однако нащупывание почвы французскими дипломатами привело лишь к тому, что 15 декабря 1461 г. послу Франции Анри де Марль пришлось выслушать следующее, адресованное его государю, заявление каталонских кортесов: «То, что мы сделали для освобождения блаженной памяти первородного сына его величества светлейшего нашего короля и сеньёра, мы совершили, руководимые единственно своею верностью и приверженностью к королевской короне и к этому принцу, поскольку он был её наследником, а не в силу каких-нибудь иных соображений или отностей. Если ваше величество найдёт наше поведение достойным одобрения, то мы будем удовлетворены. Благодарим за вашу благосклонность по отношению к нам и принципату и со своей стороны полны готовности сделать для пользы вашего величества и по вашему благоусмотрению всё, что в нашей возможности, соблюдая (однако) всегда верность, почтение и полное уважение к нашему сеньёру — королю»¹⁶.

Курьёзно звучат последние слова о верности и почтении к королю Хуану, которого сам же принципат объявил отравителем Карлоса и против которого вёл ожесточённую борьбу. Однако слова эти ясно давали понять, что каталонцы скорее вернутся под власть Хуана Арагонского, чем провозгласят своего государем Людовика Французского.

Столь решительное и даже заносчивое заявление по адресу короля Франции объясняется, несомненно, тем, что кортесы догадывались об истинных намерениях Людовика и считали принципат достаточно сильным, чтобы самостоятельно разрешить стоявшие перед ним задачи. Располагая войском, флотом и особенно деньгами, этим нервом войны, по выражению того времени, каталонцы рассчитывали также на восстание против Хуана в Арагоне и в Валенсии¹⁷. Подобное восстание считала, повидимому, вполне возможным и противная сторона. Об этом свидетельствует рассказ современника о беседе короля Хуана с двумя вельможами в феврале 1461 г.: «Король спросил их в присутствии народа (беседа происходила под открытым небом в маленьком городке Морелла): какие имеются новости? И они ответили: «Сеньёр, плохие — Каталония потеряна, и если так долго продолжится, то потеряешь ещё Арагон и королевство Валенсию!» Сеньёру пришлось очень призадуматься»¹⁸.

Однако к лету 1462 г. положение кардинально изменилось в благоприятную для короля Хуана сторону. Причиной тому послужило заключение Сан-Сальваторского договора между Францией и Арагоном. Основной договор был заключён между Людовиком и Хуаном, в результате личной встречи

¹³ Chaytor H. «History of Aragon and Catalonia», chap. XIV, p. 234 ss. London 1933. Ценнейший материал по истории каталонского восстания опубликован M. Bofarull'o в обширном собрании документов *Levantamiento y guerra de Cataluna en tiempo de Don Juan II. Coleccion de documentos ineditos del archivo general de la corona de Aragon. T. XIV—XXI, Barcelona. 1852—1864.*

¹⁴ Lettres. T. II, VI, XIII, XIV, XVI, XX, p. 7—9, 17—24, 36, 37; Paris 1885. Lettres relatives. T. II—VI, p. 26—32.

¹⁵ Calmette. Op. cit., p. 58, note 4.

¹⁶ Coleccion de documentos... de Aragon T. XVIII, p. 324—325. Barcelona. 1860.

¹⁷ Любопытно, что с своей стороны и, разумеется, в своих интересах Людовик вскоре после смерти Карлоса Вианского пытался подбить на мятеж против короля Хуана арагонских грандов. Lettres. T. X, N MDCCCCXXII, p. 164—166. Paris. 1908.

¹⁸ Coleccion de documentos... de Aragon T. XV, p. 182—183. Barcelona. 1858.

монархов в Сан-Сальватиере (в Беарне) 3 мая 1462 г., затем был дополнен байонскими статьями от 15 и 23 мая.

Договор сводился к следующему. Людовик обязывался послать против каталонцев 700 «копий» с соответствующим пехотным дополнением. Всё это должно было составить не менее 10 тыс. бойцов — военная сила, весьма значительная для тогдашнего времени. За это Хуан должен был уплатить Людовику 200 тыс. золотых экю. В обеспечение того, что эти 200 тыс. экю будут действительно уплачены (в момент заключения договора арагонская казна была почти пуста), Людовик потребовал выдачи ему двух укрепленных замков Перпиньяна и Коллиура — важнейших городов-графств Руссильон и Сердань, расположенных между Францией и Каталонией и принадлежавших арагонской короне. Налоговые поступления с этих графств должны были поступать в пользу Людовика вплоть до того дня, когда долг будет уплачен. Доход этот, однако, не считывался в сумму платежа, а рассматривался как проценты на капитал. Никакой гарантии за успех действий своего экспедиционного корпуса Людовик не давал. Срок действия договора не был установлен. Было, однако, оговорено, что Хуан не может удерживать французские войска после того, как Каталония будет возвращена своему законному государю¹⁹.

Договору в Сан-Сальватиере предшествовал договор, заключенный в Олите (Наварра) 13 апреля 1462 года. Наиболее существенным в этом договоре было повторное признание со стороны Хуана своими наследниками в Наварре Элеоноры и Гастона и объявление короля Франции гарантом выполнения договора и охранителем прав графской чести. Охранять эти права Людовик был теперь тем более склонен, что в феврале того же года он выдал свою сестру Мадлену замуж за сына — наследника графа, также Гастона²⁰.

Повторное подтверждение прав Гастона Старшего и Элеоноры на наследование наваррской короны потребовалось в связи с тем, что король Хуан после смерти Карлоса Виланского провозгласил своего второго сына Фердинанда наследником всех своих владений, не исключая и Наварры. Необходимо отметить, что арагоно-наваррская уния была весьма популярна в странах арагоно-каталонно-напалейской федерации. Собравшись 7 октября 1461 г., арагонские кортесы решили сохранить династическую связь с Наваррой и согласились поэтому присягнуть Фердинанду в качестве наследника не только арагонской и сицилийской, но и наваррской

короны²¹. Теперь же в Олите сам король Хуан соглашался аннулировать провозглашение Фердинанда престолонаследником Наварры в интересах Гастона и Элеоноры.

Положение Гастона де Фуа в качестве властителя Наварры упрочивалось, а сам он оказывался тесно связанным с Францией и её королевским домом. Но Олитский договор был выгоден Людовику не только тем, что укреплял позиции французского короля в Наварре. По этому договору, Хуан обязывался также помочь Людовику вернуть захваченные англичанами французские города (Кале и др.). Людовик со своей стороны обязывался помочь вернуть ряд утраченных Хуаном пунктов в Наварре. Пункты эти в разное время были захвачены кастильцами. Само собою разумеется, что Людовик вовсе не собирался вступать из-за этого в войну с Кастилией. Едва ли также мы ошибемся, если скажем, что он отнюдь не рассчитывал на реальную помощь Хуана против Эдуарда IV Английского, но ему было важно предотвратить образование намечавшегося англо-арагонского союза²².

Во Франции в это время весьма опасались нападения со стороны англичан, и в этой связи доходившие до французского короля вести о подозрительных переговорах между Англией и Арагоном не могли не беспокоить его. Стремясь, очевидно, усилить бдительность Людовика, Эдуард и канцлер Англии граф Варвик написали ему письма, выдержанные в духе дружелюбия, и обещали прислать посольство. Людовик велел показать эти письма Хуану и сказать, что англичане над ним (королём Арагона) смеются²³.

Это было в конце марта или в самом начале апреля, незадолго до заключения договора в Олите, и, возможно, этот маневр Людовика действительно оказал определённое влияние на Хуана. После заключения указанного договора дипломатическая связь между Англией и Арагоном на время прерывается.

Людовик опасался не только англо-арагонского альянса, но и сближения между Арагоном и Кастилией, а также враждебных Франции происков при кастильском дворе со стороны английской дипломатии. Соперничающие испанские державы Арагон и Кастилия находились по большей части либо в состоянии открытой войны друг против друга, либо во взаимоотношениях, более или менее натянутых. В период борьбы Хуана с Карлосом Виланским отношения между обоими королевствами особенно ухудшились в связи с тем, что, используя благоприятную для интервенции обстановку, кастильцы захватили новые территории в Наварре. Однако после того, как возсталась Каталония и Франция приняла сторону каталонцев, Хуан, оказавшийся в крайне затруднительном положении, естественно, стал стремиться к сближению с Кастилией и восстанавливать её короля Эрика IV против Людовика. 8 марта

¹⁹ Philippe de Commines. Mémoires, edit. Lenglet. T. II. Preuve N XVIII, p. 360 ss. Paris—Londres. 1747; Dumont «Corps universel diplomatique du droit des gens». T. III, part. I, N CCXIII, p. 275 ss. Amsterdam. 1726.

²⁰ Договор опубликован у Calmette. Op. cit. piece justificative N 2, p. 416—424. См. в этой связи также Boissonade P. «Histoire de reunion de la Navarre à la Castille», p. 9. Paris. 1893.

²¹ Curita Geronimo «Anale de la corona de Aragon», leib. XVII. cap. 25; T. IV. fol. 98, col. I—II. Caragoca. 1610.

²² I b i d e m. lib. XVII, cap. 29, t. IV, fol. 102. col. III.

²³ Lettres. T. II, N XXVI, p. 38. Paris. 1885.

1462 г. пребывавшее в Кастилии французское посольство во главе с графом Жаном Арманьяком донесло Людовику, что при кастильском дворе уже в течение шести месяцев находится посол короля Хуана, «великий судья» Арагона — де ла Нуса²⁴, но что ему ещё ничего не удалось достигнуть.

Французские послы, следуя полученным ими инструкциям, заявили о правах своего государя на Арагон, Валенсию и Каталонию, чем дали понять, что всякое сближение с Хуаном Арагонским Людовик будет рассматривать как дружбу со своим врагом, узурпатором наследственных прав короля Франции. Руководствуясь теми же инструкциями, Жан Арманьяк со своими коллегами превозносил соперника английского короля Эдуарда IV — Иорка Генриха VI Ланкастера, чьи притязания поддерживал Людовик²⁵. Олитский договор, в котором декларировались враждебные намерения короля Хуана, направленные как против Англии, так и против Кастилии, должен был таким образом устранить не только угрозу возникновения англо-арагонского союза, но и угрозу арагоно-кастильского сближения.

Летом 1462 г. Людовик приступил к выполнению взятых на себя, по Сан-Сальватерскому договору, обязательств. Посланный во главе французских войск в Каталонию, Гастон де Фуа действовал весьма смело и решительно и, несмотря на яростное сопротивление каталонцев, по большей части удачно²⁶. Он быстро овладел рядом сильно укрепленных городов. Правда, под Барселоной, против которой были предприняты действия как с суши, так и с моря, французы потерпели серьёзную неудачу, но, по всей вероятности, они в конце концов взяли бы и столицу principata, если бы ситуация снова кардинально не изменилась. На этот раз изменение произошло в связи с тем, что каталонцы, желая получить помощь со стороны Кастилии, объявили королю Энрике IV Кастильского своим государем и получили его согласие возложить на себя графскую корону Барселонского principata²⁷.

²⁴ Французы несколько преувеличили: как свидетельствует арагонский источник, «великий судья» был отправлен в Кастилию 5 ноября 1461 г. *Cu i t a. Op. cit., lib. XVII, cap. 27. T. IV, fol. 100, col. I.*

²⁵ *Lettres. T. II. piece justificative, VI, p. 378—380.*

²⁶ Своего рода дневник кампании составлен историографом графа де Фуа — Лезерою. *J. L e s e u r. «Histoire de Gaston IV, comte de Foix». Chronique publiee par H. Courteault. T. II. chap. XVII, p. 114—182. Paris. 1895.*

²⁷ Постановление кортесов и барселонского городского совета о призвании Энрике было принято 11 августа 1463 г., ровно через месяц, 11 сентября, последовал положительный ответ короля Кастилии и, наконец, 13 ноября состоялось торжественное принесение населением Барселоны присяги новому государю. См. характеристику Энрике и сжатый очерк его царствования у Ballesteros y Beretta A. *Historia de Espana y su influencia en la historia universal. T. III p. 106—116. Barcelona. 1922.*

Король Кастилии не замедлил вторгнуться в наваррские владения короля Хуана и в Арагон. Войска его вскоре появились в виду Сарагосы, и арагонский король со страхом ожидал со дня на день, что настроенные оппозиционно патрициат и дворянство увлекут за собой всё население столицы и заставят открыть Энрике городские ворота. Целый ряд арагонских грандов примкнул со своими силами к кастильским войскам; поднялось против Хуана и несколько городов. Отряды короля Энрике проникли также на территорию principata и соединились с войсками каталонцев²⁸.

В довершение всего французы прекратили военные действия на стороне короля Хуана. Ему было объявлено, что они не могут сражаться против своего старого союзника — короля Кастилии, ставшего теперь и графом барселонским, — ничего не значило, что Людовик ещё не удосужился продлить традиционный франко-кастильский союзный договор. Между французским и кастильским командованием 13 января 1463 г. был заключён формальный договор о перемирии. Одновременно французы поставили Хуана в известность о том, что Людовик будет стараться помочь ему дипломатическим путём и надеется, что сумеет добиться восстановления мира и урегулирования всех спорных вопросов между Арагоном и Кастилией²⁹.

Уже 6 января 1463 г. была подписана верительная грамота для направлявшегося в Кастилию посла Жана де Рогава, сеньёра Монтабана, адмирала Франции. Вместе со своей верительной грамотой Жан де Роган вручил кастильскому королю и столь долгожданный в Кастилии подписанный королём Франции договор о возобновлении традиционного союза между обеими державами.

Жану де Рогану было поручено добиться согласия Энрике на разрешение арагоно-кастильского конфликта посредством арбитража Людовика и подготовить личную встречу королей Франции и Кастилии.

Согласно донесению миланского «оратора» (посла) во Франции Антонио ди Ночето, сделанному им своему государю 14 апреля 1463 г., адмирал писал из Кастилии, что он встречает «достаточно трудностей особенно потому, что послы короля Эдуарда Английского и король Испании (Кастилии. — А. Р.) и прежде и теперь заодно, чтобы нарушить единение между ним (Энрике) и королём Франции и чтобы установить лигу и соглашение с королём Испании»³⁰.

²⁸ *Lettres. T. X, N MDCCCCLI, 191 — 192.*

²⁹ *Documentos ineditos para la historia de Espana. T. LXXXVIII, p. 307; Curita. Op. cit, lib. XVII, cap. 47. T. IV, fol. 121. col. III—IV.*

³⁰ *Depeches des ambassadeurs milanaise en France sous Louis XI et François Sforza, publ. par B. de Mandrot. T. I, N LVIII, p. 266. Paris. 1916.* О прибытии английских послов и о переговорах в Бургоме сообщает также другой современник, Alonso de Palencia, *Chronica de Enrique IV escrita en latin por Alonso de Palencia, traduccion castellana por. A. Paz y Melia. T. I, p. 372. Madrid. 1904.*

В кастильском городе Бургосе возникло нечто вроде дипломатической конференции. Там находилась штабквартира прибывших, повидимому, в начале двадцатых чисел января английских послов, и для переговоров с ними Энрике направил туда трёх своих представителей. В Бургос же прибыл легат враждебного Людовику папы Пия II. Ещё с декабря 1462 г. в Кастилии пребывала каталонская делегация и, по словам того же Ночето, «сильно стремилась нарушить согласие» между Людовиком и Энрике. Несколькими позже, в феврале, в Кастилию снова явился уже известный нам «великий судья» Арагона, ездивший перед этим ко двору французского короля, повидимому, с целью выведать планы и замыслы Людовика³¹.

В то же время король Хуан Арагонский опять вступил или, по крайней мере, пытался вступить в связь с Эдуардом. Во всяком случае, направлявшийся в Англию гонец его был задержан на французской территории³².

Цель английской политики в Испании была очевидна. Эдуард хотел вступить в союз как с Кастилией, так и с Арагоном; по возможности примирить их и образовать анти-французскую, англо-испанскую лигу. Это было как раз то, чего опасался Людовик.

Учитывая создавшуюся ситуацию, кастильский король заявлял, что не возражает против встречи с Людовиком, но что это не может помешать ему заключить мир с англичанами, который, несмотря на окончание Столетней войны, формально между Англией и Кастилией всё ещё не был заключён³³. Соглашаясь будто бы на арбитраж короля Франции, Энрике в то же время выдвигал непомерные требования. Так, король Хуан Арагонский, ссылаясь на источник, который считал заслуживающим полного доверия, писал губернатору Руссильона рекзенсу де Солер: «Король Кастилии, следуя своим «хорошим» обычаям и привычке воровать наше добро, начал домогаться, чтобы был заключён брак между его сестрой и братом короля Франции (Карлом Беррийским—А. Р.), чтобы Каталония досталась брату короля Франции и чтобы за его (Энрике.—А. Р.) согласие некоторые крепости в Арагоне и в Валенсии были отданы под власть короля Кастилии»³⁴.

По существу, это означало оккупацию Арагона и Валенсии. Наконец, Энрике требовал, чтобы Хуан отказался от всех земельных владений, которыми владел в Кастилии арагонский королевский дом. По поводу этих требований Энрике, Людовик, как мы узнаём из французского источника, заметил: «Король Кастилии желает захватить всё, чем владеет король Арагона». На этот раз, вопреки обыкновению, Людовик счёл нужным ответить прямо и определённо. Он велел на-

писать Энрике: «Король благодарит за предложение, которое ему сделано, но, принимая во внимание обязательство, данное (Людовиком.—А. Р.) королю Арагона ему помогать и его поддерживать против его подданных, было бы бесчестно от всего отказаться; честно — не порывать с ним»³⁵.

Самой собой разумеется, что ответ Людовика на предложение Энрике в приукрашенном виде был доведён до сведения Хуана, в частности через направленных к его двору послов. В результате Хуан написал своему корреспонденту нечто такое, что уж никак не соответствовало действительности: «Король Франции очень недоволен (королём Энрике.—А. Р.), не хочет слушать, не поддаётся этим интригам... и всё время готовит много войн, артиллерию и всё прочее необходимое, чтобы начать войну против короля Кастилии, если тот захочет упорствовать в своих дурных замыслах и поступках»³⁶. Расчёт Людовика оказался правильным. Ни об арагоно-кастильском сближении, ни об англо-арагонском союзе больше не могло быть и речи: Хуан ориентировался теперь только на Францию.

Как сообщает арагонский хроникёр Сурита, Хуан собирался также сочетать арагонскую и французскую королевские фамилии узами брака. Он намеревался женить своего сына Фердинанда на одной из дочерей Людовика, а свою дочь Хуанну выдать замуж за брата и наследника французского короля Карла Беррийского³⁷. Забегая вперёд, отметим, что после арбитража Людовика иллиузны короля Арагона рассеялись, как дым.

Ответ Людовика королю Кастилии должен был, несомненно, вызвать недовольство со стороны последнего. Повидимому, отражением реакции Энрике на этот ответ является сообщение миланского «оратора» Понтремоли от 16 марта 1463 г., что король Кастилии «решил не встречаться с королём Франции»³⁸. Но, с другой стороны, чего мог ожидать Энрике от Эдуарда Английского? Во всяком случае, не крепостей в Арагоне и в Валенсии. Если бы Эдуард даже захотел пуститься ради Энрике в какую-нибудь авантюру на Пиренейском полуострове, то всё равно не смог бы осуществить это намерение, так как не располагал для этого необходимыми средствами: его войска и деньги были нужны ему в самой Англии, где шла «война белой и алой розы».

Уже известный нам Ночето не без иронии писал в своём донесении от 14 апреля 1463 г.: «Переговоры ведут по-дружески, по-родственному, без встречи друг с другом пролтайт перемирие, и пока оно будет длиться, и тот и другой постараются склонить на свою сторону короля Эдуарда»³⁹.

Ночето ошибся: личная встреча королей Энрике и Людовика состоялась ровно через две недели после отправки миланским «ора-

³¹ Curita, lib. XVII, cap. 36, T. 4 fol. 109, col. IV. О вражде между Людовиком и папой Пием II см. J. Combet «Louis XI et le Saint-siège». Chap. I—II. Paris. 1903.

³² Henry «Histoire du Roussillon». T. II, p. 83. Paris. 1835.

³³ Daumet. p. 107.

³⁴ Leseur. T. II, pièce justificative N XXVII, p. 357.

³⁵ См. Calmette. p. 181, note 3.

³⁶ Lesir. T. II, p. 358.

³⁷ Curita, lib. XVII, cap. 49, T. IV. fol. 123, col. III.

³⁸ «Depeches des ambassadeurs milanais», T. I, pièce justificative, V, p. 387.

³⁹ Ibidem. № LVIII, p. 266—267.

тором» своего донесения. Относительно дальнейших переговоров с Эдуардом он оказался прав только отчасти. Переговоры Энрике с англичанами прервались, повидимому, незадолго до личной встречи королей Франции и Кастилии, и с тех пор в течение трёх лет английская дипломатия не проявляла в Испании заметной активности. Трудно сказать, по чьей инициативе, Энрике или Эдуарда, произошёл разрыв. Что же касается Людовика, то он действительно вступил в переговоры с Эдуардом. Для игры с английским партнёром у него имелся козырь, которого не было у Энрике, — он мог противопоставить внешнеполитическим интересам Англии династические интересы Йоркского дома.

Людовик поддерживал в Англии Ланкастеров; теперь же он шёл за благо сближаться с Йорками (в дальнейшем всегда ведь можно будет их обмануть!). Герцог бургундский Филипп Добрый согласился выступить в роли посредника, но, разумеется, отнюдь не из симпатии к Людовику. В начале 1462 г. во время аудиенции, данной миланскому «оратору» Томмазо ди Риети, старый герцог горько жаловался на то, что Людовик, став королём, сильно изменился к худшему⁴⁰. Особенно не нравилась Филиппу новая внешняя политика Людовика. «Прежде, — говорил герцог, — он всячески настаивал, чтобы я выдал замуж за короля Эдуарда мою дочь и помогал ему (Эдуарду. — А. Р.) против короля Генриха, теперь же он хочет, чтобы я помогал королю Генриху»⁴¹. Между тем уже в силу тесной экономической связи между Нидерландами и Англией герцогу было важно сохранить добрые отношения с Эдуардом, в руках которого находились важнейшие центры и хозяйственные районы Англии. И вот Людовик снова изменил политику. Теперь он не только ничего не имел против англо-бургундского альянса, но даже сам был готов примкнуть к нему. В донесении от 27 мая 1463 г. Ночето сообщает о направляющемся в Англию смешанном франко-бургундском посольстве⁴². Англо-французские отношения весной — летом 1463 г. заметно улучшились.

Вполне возможно, что первые же известия о намечающемся англо-французском сближении произвели на Энрике такое впечатление, что он поспешил дать окончательное и безоговорочное согласие на арбитраж Людовика. Известия эти, несмотря на плохие средства сообщения, могли дойти до кастильского двора весьма быстро, так как сам Людовик был заинтересован в том, чтобы об его, короля Франции, дипломатических успехах Энрике получал в срочном порядке

самую свежую информацию. Перспектива же англо-французского сближения определялась не позже первой половины апреля, так как уже в донесении от 14 апреля Ночето писал: «И вот через посредство герцога бургундского, который теперь хорош с королём Франции, заключается соглашение между королём Эдуардом и королём Франции»⁴³.

Результаты сближения заключались не только в том, что Людовику удалось привлечь внимание Эдуарда от нежелательной королю Франции политической комбинации. Он добился ещё и другой выгоды. Людовик сумел увлечь Филиппа Доброго ролью посредника-мировотворца, и тот продолжал мирить французов с англичанами также и во время открывшихся в Сент-Омере в конце августа 1463 г. англо-франко-бургундских переговоров. При этом он так преуспел, что когда французская сторона предложила ему самому выполнить один пункт Аррасского мира 1435 г., который он вовсе не собирался выполнять, то англичане не оказали ему поддержки, которую они обычно оказывали бургундским герцогам против Франции. Согласно этому пункту, французскому королю предоставлялось право выкупа за 400 тыс. экю отходивших, по данному договору, к Бургундским городов на р. Сомме: Амьен, Аббевиль, Кревкер, Сан-Катен, Корби, Сен-Рикке и др. — и окружающей их территории. Позиция на Сомме имела совершенно исключительное стратегическое значение; города же приносили в 1460-х годах доход, гораздо больший, чем в 1430-х, когда они были разорены войной, и уступать их за 400 тыс. экю не было никакого смысла. Однако при создавшейся ситуации Филипп Добрый почувствовал себя вынужденным удовлетворить французское требование, и города на Сомме путём выкупа были получены Людовиком⁴⁴.

Но вернёмся к франко-кастильским отношениям. Не подлежит никакому сомнению, что успеху французской дипломатии в самой Кастилии немало содействовал удачный выбор посла. Жан де Роган отличался приятной наружностью и был хорошим собеседником⁴⁵. Ловкому французцу удалось произвести самое выгодное впечатление на недалёкого Энрике и внушить ему доверие к французскому предложению разрешить арагонско-кастильский конфликт посредством арбитража Людовика.

Помимо уже известного нам каталонского вопроса, к числу спорных вопросов относился ещё и наваррский, так как Энрике, осно-

⁴⁰ Ibidem, № LVIII p. 267.

⁴⁰ Будучи дофином, Людовик пользовался поддержкой Филиппа Доброго и, преследуемый своим отцом-королём, одно время даже жил близ Брюсселя под защитой герцога и содержал за его счёт свой двор.

⁴¹ «Dépêches des ambassadeurs milanais», t. I, № XL, p. 196. Пиети допустил явную ошибку: речь могла идти лишь о внушке Филиппа Доброго, Марии, так как дочери у него не было.

⁴² Ibidem, № LX, p. 275.

⁴³ Ibidem, № LVIII p. 267.

⁴⁴ Ph. de Commynes, edit. Lenglet. Preuves, T. II, № XXIX, p. 392—403; Chastellain G. Chronique (Oeuvres. publ. par Karvyn van Lettenhove, T. IV), p. 337 ss. Bruxelles. 1864; «Dépêches des ambassadeurs milanais», T. I, № LXIII, p. 288—289; Lettres. T. II, № XCHI—XCHII, p. 150—153.

⁴⁵ См. о нём Anselme P. Histoire généalogique et chronique de la maison royale de France des pairs. etc. T. VII, p. 856 — 857. Paris. 1728; Champion P. Louis XI, T. I, p. XVIII. Paris. 1928.

вываясь на завещании своей первой, разведённой с ним жены Бланки, старшей дочери короля Хуана Арагонского (от брака с Бланкой Наваррской), претендовал на Наварру.

Казалось бы, что после бракосочетания Гастона де Фуа младшего с Мадленой Валуа у Энрике было очень мало оснований предоставлять решение наваррского вопроса Людовику. Это бракосочетание одно время сильно беспокоило Энрике, видевшего в нём подрыв своих интересов в Наварре. Уже упоминавшееся выше французское посольство, возглавлявшееся Жаком д'Арманьяком, пыталось рассеять опасения Энрике. Послы затем донесли Людовику: «Мы ответили, что независимо от того, состоялся ли этот брак или нет, мы имеем твёрдую уверенность, что вы ничего не сделали и не делаете, чем он (Энрике. — А. Р.), будучи полностью осведомлённым, мог бы быть недоволен»⁴⁶.

Французские заверения, очевидно, возымели действие, и наваррский вопрос был также вынесен на арбитраж.

Относительно порядка арбитража было условлено, что в качестве представителя Кастилии выступит сам король Энрике, а в качестве представителя Арагона — королева Хуанна, кастильянка родом, и вместе с королём-арбитром они разрешат все спорные вопросы.

Между тем в те самые дни, когда Жан де Роган находился при кастильском дворе, каталонская депутация энергично добивалась приёма у Энрике.

Несмотря на всю проявленную каталонскими депутатами настойчивость, они добились лишь чести быть представленными государю; деловые же переговоры с ними были поручены Хуану Пачеко, маркизу де Вильена и Антонио Каррильо, архиепископу Толедскому. Едва ли тут обошлось без интриги. Могущественные силы были заинтересованы в том, чтобы переговоры с каталонцами велись именно маркизом и архиепископом. О том, какое впечатление на депутатов произвёл приём у этих вельмож, можно судить по словам придворного историографа Кастилии: «Из сказанного маркизом каталонцы вполне убедились, что маркиз и архиепископ являлись скорее приверженцами короля арагонского, нежели верными слугами (своего собственного) короля»⁴⁷.

Само собою разумеется, что аудиенция ни к чему не привела. Об изменнической связи маркиза и архиепископа с арагонским двором сообщает целый ряд источников⁴⁸. Следует ещё прибавить, что Пачеко де Вильена и Антонио Каррильо были в то же время горячими поклонниками французского золота. Жан де Роган хорошо знал, когда пускаться в ход убеждающее красноречие, а

когда и звонкую монету. Вскоре после того как он побывал в Кастилии, и маркизу и архиепископу стала выплачиваться королевским, разумеется, не кастильским, а французским банкиром, годовая пенсия⁴⁹.

Что же имели каталонские депутаты сообщить королю Энрике?

Возглавлявшие депутацию Мосен Кордона и архидиакон гор. Жироны должны были прежде всего испросить согласие Энрике на провозглашение его королём Арагона и Валенсии. Предложение каталонцев носило весьма конкретный характер. На его реализацию они ассигновали Энрике 700 тыс. золотых флоринов — огромную сумму с точки зрения испанских финансовых масштабов того времени. При таком ассигновании можно было выставить очень значительную армию и вооружённой рукой добиться повиновения короля Хуана ранее, чем к нему откуда-нибудь успеет прийти помощь. Тесно связанные с оппозицией в собственно Арагоне, каталонцы к тому же ругались, что там по их призыву против Хуана подымается пранды и города во главе с самой столицей Сарагосой⁵⁰.

Указанный выше каталонский проект является первым из известных нам проектов арагоно-кастильского объединения, уже давно подготовленного общим ходом экономического, политического и культурного развития Испании.

Нужно ли говорить о том, что указанный проект явно противоречил интересам Людовика! Теперь, когда Франция усилившейся и окрепшей вышла из Столетней войны, Пиренейский полуостров казался одной из тех арен, где французская экспансия могла особенно рассчитывать на успех. Объединение же Арагона и Кастилии должно было явиться в высшей степени серьёзным препятствием к этому.

Весьма вероятно, что ближайшей целью каталонского проекта являлось предотвращение разрыва каталоно-кастильского альянса, к чему в первую очередь стремился Людовик. Прельстия Энрике соблазнительными перспективами, каталонские депутаты могли надеяться удержать кастильского короля от ложного шага, в результате которого он попал бы в искусно расставленные

⁴⁶ Lettres. T. II, piece justificative, V, p. 379.

⁴⁷ Diego del Castillo, Cronica del rey don Enrique IV (Cronicas de los reyes de Castilla, T. III), cap. 46, 126, col. II.

⁴⁸ Об архиепископе Антонио Каррильо см. Enciclopedia Espana. T. XI, p. 1373—1374, о Пачеко—Ibidem. T. XI, p. 1379—1380.

⁴⁹ Castillo, cap. 48, p. 128, col. I. Хроникёр «Alonso de Palencia» сообщает, что каталонские депутаты со своей стороны пытались расположить архиепископа Толедского в пользу принципата «значительными подарками и предложениями» (Т. I, p. 372). Нет указаний, чтобы архиепископ отказался от каталонских подношений, но от этого принципат ничего не выиграл.

⁵⁰ Castillo, cap. 46, p. 125, col. I; 127, col. I.

Возможно, что помимо предпосылок политического характера каталонский проект арагоно-кастильского объединения был отчасти навеян тем, что позиции каталонской торговли на внешних рынках были в это время уже несколько поколеблены и в Барселоне начинали проявлять всё больший и больший интерес к внутренне-испанскому рынку.

французской дипломатией сети, как это на самом деле и случилось. Но это отнюдь не снижает значения каталонского проекта до уровня простого дипломатического контрманевра. Он намечал правильное разрешение основного вопроса: только объединившись, Арагон и Кастилия могли противостоять могуществу Франции.

Необходимо отметить, что каталонский проект разрабатывался под непосредственным впечатлением от только что произведённой французами аннексии Руссильона и Сердани, ближайших соседей Каталонии. Людовик как раз в это время официально объявил о присоединении к Франции указанных, фактически уже до того оккупированных французами владений арагонской короны.

Но что значили Руссильон и Сердань по сравнению с Каталонией, с её жемчужиной Барселонной?

Людовику очень хотелось овладеть Каталонией, но вступление в игру нового игрока, Энрике, портит всё дело. Для того чтобы добиться успеха, надо было во что бы то ни стало убрать короля Кастилии со своего пути. Для этого-то главным образом и был затеян Людовиком его арагонско-кастильский арбитраж. В источниках мы находим много указаний об арбитраже⁵¹. Особенных противоречий в сообщаемых ими сведениях нами не установлено. Находящиеся в нашем распоряжении источники позволяют изложить историю этого арбитража с полнотой, с которой она ещё никем в литературе освещена не была, что, к сожалению, трудно совместимо с ограниченными рамками статьи.

Арбитраж может быть охарактеризован лишь как самое бессовестное и беззастенчивое надувательство.

Начать с того, что, вопреки договорённости с Жаном де Роганом, Энрике фактически не был лично допущен к обсуждению вопроса, а был поставлен перед готовым решением, 23 апреля 1463 г. Людовик в Байонне велел зачитать свою сентенцию арбитра. При этом от Кастилии присутствовали уже знакомые нам Хуан Пачеко, маркиз де Вильена и Антонио Каррильо, архиепископ Толедский.

Если маркиз и архиепископ сослужили французским интересам хорошую службу в истории с приёмом при кастильском дворе каталонской депутации, то теперь они оказались не менее полезными. Король Энрике, разумеется, не подозревал о том, что его послы служат вовсе не ему, а французскому золоту, и почтил маркиза и архиепископа весьма импозантной верительной грамотой, в которой, отмечая их достоинства,

указал, между прочим, на их преданность его, короля Энрике, особе⁵². Со своей стороны Людовик почтил кастильских послов тем, что назвал их в сентенции своими кузенами. Это была очень большая честь, тем большая, что в той же сентенции кузеном короля Франции именовался и их государь Энрике Кастильский. Весьма возможно, что мы имеем тут дело с проявлением своеобразного юмора, присущего королю Франции.

Само собою разумеется, что маркиз и архиепископ выразили полное согласие с содержанием сентенции. Характерно, что кастильские послы не протестовали и против того, что хотя Энрике не был приглашён в Байонну, там тем не менее оказалась королева Хуанна Арагонская. Само собою разумеется, что в тексте сентенции с ним ведь предстояло ознакомиться и королю Кастилии в качестве представителей Арагона фигурируют лишь двое сопровождавших королеву вельмож и гроемейстер Ордена Монтезской божьей матери.

Вскоре (28 апреля) состоялась личная встреча королей Франции и Кастилии на французском берегу пограничной реки Виллассоа. Энрике и его свита были в пышных нарядах, тогда как французы явились в обыкновенном, скромном платье. Источники сохранили описание изумившего испанцев более чем скромного костюма короля Людовика⁵³. Впрочем, Людовик всегда одевался плохо. Однако свита его в соответствующих случаях облачалась в богатые парадные одежды. Тот факт, что на этот раз этого сделано не было и свита, несмотря на то, что встречали короля и союзника, была одета скромно, должен был, по средневековым понятиям, восприниматься как выражение неуважения и даже презрения. К тому же люди французской свиты позволяли себе открыто насмехаться над одетыми по испанской моде людьми короля Энрике. Всё это было вполне в манере Людовика—надуть кого-нибудь и затем самому же над ним поглумиться и позволить насмехаться своим людям, от излюбленных королевских «куманьков» до лакеев и конюхов.

Во время встречи монархов на берегу Виллассоа состоялась длившаяся не более четверти часа беседа обоих королей с глазу на глаз, после чего Энрике его секретарём Альваро Гарсия была прочитана сентенция Людовика.

К тому, что ему предстояло услышать, кастильский король был соответствующим образом подготовлен сопровождавшими его маркизом де Вильена и прикомандированным к его особе со стороны короля Людовика графом де Комменж, в словах которых было, по утверждению современной хроники, «больше лжи, чем правды»⁵⁴. Как бы ни бы-

⁵¹ Diego de Valera, cap. XXII, p. 28, col. II; p. 30, col. I; Alonso de Palencia. T. I, p. 373 s; Castillo, cap. 48—49, p. 127, col. I; p. 129, col. I; Ph. de Commines. *Memoires*, ed. B. Mandrot, livre II, chap. 8, p. 139, ss. Paris. 1901; Commines. *Memoires* ed. Lenglet. T. II. *Preuves*, № XXIV—XXVI, p. 378—391; Leseur. T. II, p. 194, ss.; Curita, lib. XVII, cap. L, T. IV, fol. 124, col. I—IV.

⁵² Commines, éd. Lenglet. T. II. *Preuve*, № XXIII, p. 376.

⁵³ Commines. *Memoires*, ed. Mandrot. T. I, p. 141—142. *Documentos ineditos*. T. LXXXVIII, p. 310; cp. Quicherat «*Histoire de costume de France*», p. 293. Paris. 1875.

⁵⁴ Castillo, cap. 48, p. 128, col. I.

ло, но Энрике согласился подчиниться вынесенной королём Людовиком сентенции. Мы склонны допустить, что не слишком крепкий умом Энрике мог не вполне разобраться в содержании прочитанного ему весьма пространный документ. Сентенция или, как гласит полный титул, «Компромисс и сентенция, данные королём Франции», отличалась богатством и разнообразием аргументации, в котором тонула самая суть дела. При чтении этого акта создаётся впечатление, что французские легисты, выработавшие его текст, приложили особое старание к тому, чтобы избежать лапидарных, чётких и ясных формулировок излюбленного ими римского права.

Согласно сентенции, Энрике должен был отказаться от Барселонского принципата, который возвращался Хуану Арагонскому, а также от притязаний на Наварру и признать в качестве её наследника графа Гастона де Фуа. В виде компенсации за всё это кастильскому королю представлялся городок Эстелья в Наварре вместе с прилегающей сельской округой⁵⁵. Однако Энрике очевидно намеревались обмануть даже в отношении этой ничтожной, похожей на насмешку компенсации⁵⁶. Лишь через год, в результате особого соглашения с королём Арагона, король Кастилии добился передачи ему Эстельи.

Итак, цель была достигнута: Энрике был убран с дороги Людовика. В отношении каталонцев дело было обставлено следующим образом. Их депутаты присутствовали в Байонне. Людовик беседовал с ними снисходительно и ласково, но предложил, согласно сентенции, вернуться под власть короля Хуана. Впрочем, переход каталонцев под арагонское господство должен был состояться лишь через три месяца. Людовик, повидимому, рассчитывал, что это время не будет потеряно каталонцами, и они используют его, как хотелось Людовику.

Автор знаменитых мемуаров Филипп де Коммин сообщает, что королева арагонская была полна великой ненависти к королю Франции, сомневалась в сентенции и что её ненависть и сомнение разделял также её супруг⁵⁷. Для этого они имели вполне достаточные основания. Людовик забрал себе Руссильон и Сердань и вместо военной помощи, к которой его обязывал Сан-Сальватерский договор, отделялся теперь вынесением сентенции. В том же, что каталонцы не подчинятся этой сентенции, не сомневались, мы думаем, ни Людовик французский, ни король, ни королева арагонские. Последние, конечно,

догадывались также, что трёхмесячная отсрочка каталонцам даётся Людовиком в связи с замыслами, не сулящими арагонской короне ничего хорошего.

Что касается каталонской депутации, то на обратном пути в Каталонию она вскоре после личной встречи между Людовиком и Энрике была принята кастильским королём в городе Фуэнтэрраби, близ французско-кастильской границы. Энрике предложил каталонцам подчиниться сентенции, и депутаты после довольно бурного объяснения с королём в негодновании покинули дворец. Однако речи депутатов, несомненно, возбудили у Энрике чувство сожаления по поводу утраты барселонской короны и упущенной возможности сделаться королём Арагона и Валенсии и навели на мысль, что посредством какого-нибудь маневра он, король Кастилии, пожалуй, ещё может поправить дело. Надо думать, что именно с этой целью Энрике попросил остаться при его дворе одного из каталонских депутатов, уже известного нам архидиакона города Жироны, к которому питал особое доверие и симпатию. Через несколько дней архидиакон примчался в Барселону с тайным королевским предложением подчиниться решению арбитража лишь притворно, не бороться пока против Хуана, но через некоторое время, когда король Кастилии сумеет мобилизовать и направить на помощь каталонцам значительные воинские силы, опять взяться за оружие⁵⁸. Однако теперь в Барселоне доверие к Энрике было сильнейшим образом подорвано. Отметим попутно, что не менее был подорван злосчастным арбитражем престиж незадачливого короля и в самой Кастилии. Против него поднялось восстание, и он с трудом сохранил свою собственную кастильскую корону. Причиной восстания, как отмечает К. Маркс в «Революционной Испании», «был предательский договор, заключённый любимцем Генриха IV (т. е. Энрике. — А. Р.) маркизом де Вильеком, с французским королём Людовиком XI, в силу которого Каталония была уступлена Франции»⁵⁹.

Приведём в этой же связи слова анонимного «Вальядолидского хроникона»: «Результаты (арбитража) для короля Энрике были столь печальны, что авторитет его начал падать и никогда с тех пор ему не было хорошо»⁶⁰.

Но вернёмся к каталонцам. В июне 1463 г. из Барселоны во Францию отбыло большое каталонское посольство. Об этом посольстве, об его составе, путешествиях по Франции, о переговорах, которые оно вело, мы осведомлены из сохранившихся и опубликованных донесений, посылавшихся в Барселону секретарём посольства, барселонским буржуа Матеу Солером⁶¹. В посольстве было пред-

⁵⁵ Castillo, cap. 50—51, p. 129, col. I—II.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 718.

⁶⁰ Cronicon de Valladolid. Documentos inéditos. T. XIII, p. 54. Madrid, 1848.

⁶¹ Correspondance de l'ambassade envoyée à Louis XI par la ville de Barcelone en 1463. Dépêches I—XV, Bibliothèque Meridionale T. VIII, p. 454—514. Toulouse, 1903.

⁵⁵ Французский и испанский тексты сентенции опубликованы: Commynes, éd. Lenglet, T. II. Preuve, № XXV, p. 381—387; A. Páez y Melia «El cronista Alonso de Palencia. Ilustraciones de las Decades Alonso de Palencia», № 9, p. 19—55. Madrid, 1914.

⁵⁶ Curita, lib. XVII, cap. 51, T. IV, fol. 124, col. IV; fol. 125, col. III; Courteault H. Gaston IV, comte de Foix, p. 277—278 Toulouse, 1895.

⁵⁷ Commynes. Mémoires, éd. Mandrot, T. I, p. 142.

ставлено центральное правительство принципата — генеральный совет и городской совет Барселоны; его состав включал весьма разнородные элементы: при формировании посольства явно стремились к тому, чтобы в нём были представлены различные слои населения. Среди послов были дворяне, купцы, нотариусы, священники и, наконец, в качестве представителя наиболее демократических элементов среди них нашёл себе место также и барабанщик из Барселоны Рафаэль Вилар.

Людовик принял посольство 2 августа, близ Шартра... и как принял! Послы были совершенно очарованы этим приёмом. Когда они, отвесив низкие поклоны, подошли к королевской руке, Людовик вместо того, чтобы дать поцеловать свою руку, сам поднялся им навстречу и с каждым из них облобызался. Даже барабанщик — и тот удостоился королевского поцелуя⁶². Роль, к которой прибег на этот раз Людовик, была для него отнюдь не характерна. Обычно холодный, спокойный, порой насмешливый и ироничный, он играл теперь роль сангвиника, простого и добродушного малого, и эта роль вполне удалась талантливому актёру.

Затем потянулись переговоры между послами и сановниками короля, прерываемые частыми переездами двора. Переговоры касались различных второстепенных вопросов франко-каталонских отношений (преимущественно торговых), но послам при этом весьма прозрачно намекали на то, какого рода предложения ждёт от них король. Им давали также понять, что если такого предложения не последует, то Людовик снова заключит против каталонцев союз с королём Арагона. Однажды от имени Людовика послам было предложено устроить им «добрую встречу» с находившимся в это время при французском дворе представителем короля Хуана, от чего те, разумеется, отказались⁶³. Для воздействия на неоплативших послов к ним прикомандировали состоявших на французской службе каталонцев. Однако и это не помогло. Проходили месяцы, военные действия между арагонским королём и принципатом возобновлялись и протекали с переменным успехом, а каталонские дипломаты всё ещё продолжали делать вид, что не понимают чего собственно добивается от них король Франции. Ничего не дала и посылка в Барселону в августе 1463 г. королевского посла⁶⁴.

21 ноября в Аббевиле (незадолго перед этим возвращённом королю герцогом бургундским) каталонское посольство вновь удостоилось аудиенции у Людовика. В начале аудиенции могло показаться, что послы были допущены к особе короля лишь для того, чтобы помочь ему разобраться в одном интересовавшем его собственно лингвистическом вопросе. Людовик хотел удостовериться, правда ли, что в Каталонии многие говорят не на каталонском языке, а на катильском, наваррском или арагонском. Затем король заявил, что когда Каталония ста-

нет действительно свободной, то в этой стране будут говорить только по-каталонски. Тут же он припомнил свою бабушку Иоланту, которая была дочерью арагонского короля Хуана I из древней барселонской династии. Исходя из этого, Людовик констатировал, что он является «по своей бабке истинным каталонцем». Наконец последовало заверение, что король Франции намерен сделать для блага Каталонии всё, что только в его силах, так как ведь хорошо известно, что между ним и каталонцами нет гор⁶⁵.

Из всего этого оставалось сделать лишь вывод, что для того, чтобы Каталония была свободной и счастливой и говорила только по-каталонски, её надо предоставить чистокровному каталонцу, потомку барселонских государей, Людовику Валуа. Но каталонцы поступили совершенно иначе. Через шесть дней после того, как состоялась вышеописанная аудиенция, генеральный совет принципата провозгласил графом барселонским коннетаблем Португалии дом Педро. Как и Людовик, дом Педро происходил по женской линии от угасшей барселонской династии, а по отцу принадлежал к португальскому королевскому дому, не имея, однако, никаких надежд унаследовать португальский престол. Каталонское посольство вскоре после провозглашения дом Педро покинуло Францию.

Как за несколько месяцев перед этим король Энрике удержал при своём дворе одного из членов отбывающей каталонской депутации, так и Людовик задержал теперь одного из послов — аббата Монсеррата. В самом конце 1463 г. аббат вернулся в столицу принципата с письмом от короля Франции. Письмо должно было лишний раз свидетельствовать о благосклонности и расположении Людовика к каталонцам, но суть дела заключалась не в том, что было написано в письме, а в секретных предложениях, которые имел сделать аббат от королевского имени, в связи с чем он был снабжён особой, подписанной королём, верительной грамотой⁶⁶. Людовик, несомненно, рассчитывал на содействие своих сторонников и агентов в Барселоне. Он сам дважды намекал на это послам принципата во время аудиенции в Аббевиле. Людовик, как указывают источники, действительно имел приверженцев в Каталонии как среди буржуазии, так и среди знати, но они были в это время малочисленны и не оказывали заметного влияния на политику принципата⁶⁷. Правительство Каталонии осталось при прежнем решении.

Что побудило каталонцев предпочесть королю Франции португальского коннетабля?

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся прежде всего к одному любопытному донесению из Франции уже известного нам каталонского посольства от 2 сентября 1463 года.

«Благороднейшие и мудрейшие сеньёры!

⁶⁵ Correspondance, Dépeche XI, p. 550.

⁶⁶ Lettres. T. X, №№ MDCCCCLXII, MDCCCCLXIII, p. 207—211.

⁶⁷ См. в этой связи Colección de documentos... de Aragon. T. XX, p. 333.

⁶² Ibidem, Dépeche VI, p. 466—468.

⁶³ Correspondance. Depeche VII, p. 470.

⁶⁴ Lettres. T. X NMDCCCCLVIII, pp. 291—202.

По воспоминаниям, по сообщениям наших предков, древних отцов этого города (Барселоны. — А. Р.), мы знаем, какое понадобилось единство, какие усилия, какое кровопролитие и какой был нанесён ущерб богатству для того, чтобы принципат и особенно этот город и эти отцы приобрели свои вольности генеральные и партикулярные, которые сохранили принципат и благодаря которым город достиг величия.

Мы уже видим своими глазами, как придут в полный упадок и будут утрачены эти вольности, если тому, о чём мы сообщаем ниже, суждено осуществиться.

Мы считаем достоверным и самоочевидным, что как король Франции, так и его помощники, между которыми несколько граждан этого города (Барселоны. — А. Р.), работают над тем, чтобы правдой или неправдой сделать принципат французским, не забываясь о том, порваны или нет те узы, которыми мы связали себя с королём Кастилии, и соответствует ли выгодам принципата это предпринятие⁶⁸.

Итак, это — всё то же опасение за автономию, за средневековые вольности и привилегии, во имя которых началась в своё время борьба против короля Хуана и которые меньше всего можно было бы рассчитывать сохранить, если бы принципат достался Людовику. Дом Педро был в этом отношении бесспорно гораздо менее опасен. И действительно, за два года своего правления он ни разу ничем не нарушил, скорее республиканскую, чем монархическую, конституцию принципата.

Возвращаясь к приведённому выше донесению, мы считаем необходимым также отметить, что авторам его всё ещё хочется верить в реальность уз, которыми каталонцы связали себя с Кастилией.

Но Энрике Кастильский не сдержал своего королевского слова и так и не прислал обещанных принципату войск. Приглашение дом Педро позволяло надеяться на помощь со стороны Португалии⁶⁹. Однако и этой надежде не суждено было осуществиться⁷⁰. Каталония осталась предоставленной своим собственным силам и мужественно продолжала борьбу.

Характерно, что, приглашая дом Педро, каталонцы отнюдь не собирались окончательно

выйти из состава арагоно-каталано-валенсийской федерации. Дом Педро провозгласил не только графом барселонским, но и королём арагонским и даже сицилийским. Король Энрике в это время вообще порывает сношения с принципатом, что вызывает сожаление со стороны каталонцев. Стремление каталонцев сохранить связь с Арагоном и в то же время сблизиться с Кастилией очень характерно для каталонского движения, которое было направлено на охрану «свобод принципата», его прав и привилегий, но в котором сильно сказывалась и преданность родной стране, понимаемой шире, чем одна лишь Каталония.

В источниках, к сожалению, не сохранилось указаний на то, каковы должны были быть, по мысли Мосенес Кордона и других авторов каталонского проекта воссоединения страны, конституционные основы воссоединённой Испании. Однако едва ли можно сомневаться в том, что авторы проекта стояли совсем на иных позициях, чем их младшие современники, идеологи монархии «католических королей» — Пульгар⁷¹ и Бернальдес⁷² — уже весьма близкие подходы к идее абсолютизма. Едва ли также мы ошибёмся, если скажем, что каталонцы представляли себе будущую воссоединённую Испанию по образу и подобию арагоно-каталано-валенсийской федерации, каковой она была в эпоху процветания «свобод и вольностей», т. е. до того времени, когда король Педро Церемонный ударом

ционных изменениях, которые могли оказаться чреватými серьёзными последствиями социально-политического характера.

⁷⁰ Мы не нашли никаких указаний на призывы из Португалии воинских отрядов. Однако в источниках упоминается, что в войсках дом Педро против арагонцев сражались португальцы. Documentos ineditos. T. LXXXVIII, p. 231. Alonso de Palencia. Op. cit. T. I, p. 452. Численность португальских воинов, несомненно, была невелика.

⁷¹ Hernando del Pulgar. Cronica de los senores reyes catolicos don Fernando y dona Isabel de Castilla y de Aragon. Cronicas de los reyes de Castilla. T. III, p. 225 ss. У Пульгара, первого испанского историка-гуманиста, идея сильной, неограниченной королевской власти переплетается с культом великих людей, каковыми в его глазах являются Фердинанд и Изабелла.

⁷² Andres Bernaldez «Historia de los reyes catolicos don Fernando y dona Isabel». Ibidem, p. 567 ss. В хронике севильского священника Бернальдеза, в противоположность большинству испанских исторических сочинений его времени, отнюдь не выдвигающих на первый план роль религии и церкви в государственной жизни Испании, ярко выражены идеи воинствующего католицизма, в тесной связи с которыми стоит его идея католической монархии, предвосхищая некоторые положения, с одной стороны, идеологов западноевропейского абсолютизма XVI—XVIII вв., с другой — Игнатия Лойолы.

⁶⁸ Correspondance. Dépêche VIII, p. 473—474.

⁶⁹ Как указывает известный испанский историк Альтамира на основании неопубликованного архивного материала, намечалось и третье решение вопроса о политическом будущем Каталонии: был выдвинут проект учреждения республики (Altamira A. y Greve R. «Historia de España y de la civilización española». T. I, p. 618. Barcelona. 1900). Повидимому, одной из причин того, что этот проект всё же не получил осуществления, послужило опасение, что молодая каталонская республика окажется окончательно оторванной от остальной Испании и будет политически совершенно изолирована. Следует также отметить, что руководившие движением патрициане и дворяне отнюдь не были заинтересованы в глубоких конститу-

кинжала рассек свиток так называемых «привилегий уний» (1348) и началась упорная, хотя далеко не всегда успешная, борьба королей за усиление своей власти. Политические идеалы каталонских повстанцев остались позади, но мысль о воссоединении Испании всё же была прогрессивна.

Перейдём теперь от каталонской стороны проблемы к французской. Чем можно объяснить то, что Людовик в течение стольких месяцев мирился с упорством каталонцев, со странным «непониманием» их послами того, чего хотел от них король Франции. Почему не поставил он точки над «и», почему не пошёл на конфликт, на применение против Каталонии и на этот раз силы французского оружия? Мы полагаем, что основная причина заключалась в том же, что побудило Людовика в это время отозвать французские войска из всех оккупированных ими пунктов в Италии. Во Франции неизбежно должна была разразиться гроза. Людовик это понимал и не хотел, чтобы силы, которые понадобятся ему внутри страны, увязли в операциях за её пределами. И действительно, через несколько месяцев после торжественной коронации дом Педро в знаменитом барселонском соборе Санта-Мария дель Мар (февраль 1464 г.) Людовику пришлось вести борьбу против восстания «лиги всеобщего блага» в своём собственном королевстве.

На появление дом Педро в Барселоне Людовик реагировал, разумеется, весьма отрицательно. Он не замедлил послать запросы или, скорее, протест, к королю Афонсо Португальскому⁷³. Враждебность Людовика по отношению к принципату запечатлена в целом ряде его писем и приказов, относящихся ко времени правления дом Педро. Так, он приказал губернатору аннексированных Руссильона и Сердани конфисковать имущество многочисленных проживавших там каталонцев и запретил доставку в Каталонию продовольствия, в котором Барселона сильно нуждалась⁷⁴. Он произвёл даже военную демонстрацию на руссильонско-каталонской границе⁷⁵. Однако для настоящего удара руки короля Франции всё ещё оставались

связанными. Даже полупобеда над «лигой всеобщего блага» при Монлери 16 июля 1465 г. не развязала их.

Дом Педро проявил себя неплохим политиком и дипломатом. (Он известен также как писатель-гуманист, библиофил и один из первых археологов на Пиренейском полуострове.) Находясь в состоянии войны с Хуаном Арагонским и считаясь с возможностью ещё гораздо более опасной войны с Людовиком, граф барселонский направил свою дипломатическую деятельность главным образом на то, чтобы найти союзников на случай нападения со стороны Франции. Он вступил в дружественные отношения с английским королём Эдуардом IV и с Карлом Смелым, наследником бургундского герцогского престола; завязал также связи с враждовавшим в это время с Людовиком Франциском II Бретонским и Карлом Беррийским⁷⁶.

В связи со своим временным сближением с Людовиком Эдуард IV первоначально мало реагировал на лестные письма, которые ему посылал дом Педро, неизменно титуловавший его «королём Англии и Франции». Однако в первой половине 1466 г. англо-каталонское сближение настолько продвинулось, что встал вопрос о закреплении его посредством брака между графом барселонским и сестрой английского короля Маргаритой Йоркской. Осуществлению этого брака помешала смерть дом Педро в июне 1466 года.

Политика дом Педро была направлена по правильному пути. Эдуард IV в дальнейшем сыграл исключительно большую роль в борьбе Испании против французской агрессии. Характерно заявление, сделанное в 70-х годах XV в. арагонским дипломатом, архиепископом де Сесса, что Людовику следовало бы разрешить каталонский вопрос раньше, чем пришлось столкнуться с английским⁷⁷. Немаловажной была также роль, сыгранная в истории франко-испанской борьбы герцогом Карлом Смелым бургундским. Когда же в 1477 г. Карл Смелый погиб, то вместо направленного против Франции англо-испано-бургундского альянса возник ещё более могущественный англо-испано-габсбургский. Для того, чтобы оторвать от последнего Испанию, Людовик согласился заключить договор (в октябре 1478 г.)⁷⁸, являвшийся по существу обязательством со стороны французского короля признать предстоящее объединение Арагона и Кастилии, подготовленное ещё в 1469 г. путём бракосочетания Фердинанда и Изабеллы. В течение десятилетия (1469—1478) Людовик вёл

⁷³ Обстоятельства, связанные с прибытием дом Педро, освещены в хронике хорошо информированного португальского хрониста Ruy de Pina. *Cronica d'el rey D. Affonso V* (Coleção de livros ineditos de historia portugueza, T. I), cap. CLI, p. 498—501, Lisboa: 1790). Положение португальского короля Афонсо было тем более щекотливым, что он являлся официальным союзником Хуана Арагонского и в период, предшествовавший арбитражу Людовика, даже обращался к французскому королю через своих послов, убеждая встать на сторону Арагона. Впрочем, Афонсо и тогда вёл двойную игру, обещая свою поддержку также Эрике Кастильскому, женатому на его сестре. (Lescieur, T. II, p. 357).

⁷⁴ *Lettres de Louis XI, relatives à sa politique en Catalogne*, № X, p. 35—36.

⁷⁵ Devic Cl. et Vaissette J. «Histoire generale de Languedoc». T. XII. Preuve № 36—XIII, col. 92—94. Toulouse, 1889.

⁷⁶ Balaguer y Merino «D. Pedro el condestable de Portugal». *Revista de ciencias, historicas*. T. II. 1881. Как указывает хронист Алонсо де Паленсия (т. IV, p. 450), в войсках дом Педро находилось некоторое число бургундских рыцарей.

⁷⁷ Calmette «Le grand regne de Louis XI», p. 168. Paris. 1938.

⁷⁸ Lorenzo-Galindez Caravajal «Anales breves» (Cronicas, T. III), p. 542, col. II. Curita, lib. XX, cap. 25, T. IV, fol. 298, col. II: Daumet, p. 122—123.

упорную борьбу за то, чтобы это объединение не смогло осуществиться. С этой целью он поддерживал как средствами дипломатического воздействия, так и вооружённой рукой притязания на кастильский престол дочери Энрике — Хуанны и женившегося на ней португальского короля Афонсо V. Арагоно-кастильское объединение произошло в начале 1479 г. в связи со смертью Хуана Арагонского (Энрике умер ещё в конце 1474 г.). Это был первый и вместе с тем важнейший этап в истории воссоединения Испании⁷⁹, затем последовали присоединение Гранады, (1492) и обратное завоевание Фердинандом наваррских земель от наследников Гастона де Фуа (1512)⁸⁰. Договор 1478 г. предусматривал отказ Фердинанда и Изабеллы от союза с Эдуардом Английским и с Габсбургами, но это не помешало указанной коалиции вскоре вновь восстановиться в полном своём составе. На протяжении долгого времени англо-испано-габсбургский союз и особенно более тесный испано-габсбургский оказывали могущественное влияние на весь дальнейший ход международных отношений в Западной Европе. Но было бы грубой ошибкой, говоря о воссоединении Испании, сосредоточить всё своё внимание на альянсах широкого, международного характера и недооценить роль, которую играли арагоно-кастильские отношения. Необходимо отметить, что 9 июня 1464 г. в Памплоне между Арагоном и Кастилией был заключён союзный договор⁸¹.

Заключение этого договора послужило главной причиной тому, что Кастилия порвала отношения с Каталонией. Само каталонское движение, выдвинувшее на известном этапе идею арагоно-кастильского объединения, превращается в дальнейшем в препятствие на пути воссоединения Испании. Весьма характерно, что Людовику удаётся использовать это движение в своих интересах, добившись после смерти дон Педро провозглашения государём Каталонии (а номинально также Арагона) своей креатуры — короля Рене I Анжу.

Памплонский договор 9 июня 1464 г. был запоздалым ответом на арбитраж Людовика в апреле 1463 г. и, возможно, также непо-

средственной реакцией на заключённый Людовиком договор с Эдуардом Английским 24 мая 1464 г., усиливший позиции Франции⁸². В противоположность англо-французскому сближению в 1463—1464 гг., являвшемуся лишь проходящим эпизодом, арагоно-кастильское имело огромное будущее. Несмотря на то, что при деятельном участии французской дипломатии Хуан и Энрике через некоторое время снова разошлись, Памплонский договор сыграл роль поворотного момента. И в Арагоне и в Кастилии идея союза испанских держав и тесного сближения между ними была очень популярна. В 1473—1474 гг., во время франко-арагонской войны, кастильцы, пренебрегая выгодами, связанными союзом с Францией и даже вопреки воле своего короля Энрике, не раз выступали с оружием в руках на защиту Арагона. Так, девятитысячный кастильский отряд явился главным виновником поражения французов в большой и в известном смысле решающей битве при Перпиньяне в 1473 году.

В истории возникновения союза между Арагоном и Кастилией сыграла большую роль кастильская знать. Когда ещё в ноябре 1461 г. Хуан посылал в Кастилию «великого судью» Арагона, то направлял его не только и не столько к королю Энрике, сколько ко всем «его (короля Хуана) родственникам и друзьям, которых он имеет в Кастилии»⁸³. Родственников, особенно же свойственников (как мы уже упоминали, вторая жена Хуана была кастильянкой, дочерью адмирала Кастилии), у арагонского короля в этой стране было немало, ещё больше было друзей среди грандов и прелатов. В Кастилии действовал могущественный оппозиционный королю Энрике союз аристократов, который поддерживался Хуаном⁸⁴. Несмотря на всё своё разочарование в Людовике, Энрике лишь под сильным нажимом со стороны этого союза, вождем которого в это время являлся уже известный нам архиепископ Толедский, согласился заключить договор с Хуаном. Отстранение королём Энрике своей дочери Хуанны от прав наследования кастильской короны и перенесение этих прав на сестру короля — Изабеллу (1468) также было делом рук участников этого союза.

⁷⁹ Отделение Кастилии от Арагона после смерти Изабеллы в 1504 г. имело лишь проходящее значение: со вступлением на престол Карлоса I (Карл V) в 1516 г. Испания снова, и на этот раз окончательно, воссоединилась.

⁸⁰ Что касается Руссильона и Сердани, то Фердинанд дипломатическим путём добился их возвращения в 1493 году. Каталонский же принципат должен был снова признать над собой власть арагонского короля ещё в 1472 г., причём каталонцы выговорили себе безнаказанность и сохранение вольностей и привилегий. Умудрённый опытом, Хуан II выполнил условия капитуляции и проявил политический такт, ничем не подчеркнув своего торжества.

⁸¹ Calmette «Louis XI, Jean II, etc.», p. 253, note I. Согласно этому договору. Эстелья была, наконец, действительно передана Энрике.

⁸² Commines. Mémoires, éd. Lenglet. T. II. Preuve № XXXII, p. 412—417.

⁸³ Curita, lib. XVII, cap. 27, T. IV, fol. 100. col. I.

⁸⁴ Эта любопытная организация кастильских грандов, возникшая ещё в царствование предшественника Энрике Хуана II в 1426 г., з зависимости от обстоятельств то враждовала с королём, то на короткое время мирилась с ним, после чего обычно распадалась для того, чтобы затем вскоре вновь восстановиться. Само собой разумеется, что она имела очень мало общего с настоящей политической партией. См. Розенберг А. Указ. соч., стр. 48 сл. Тесная связь этой организации с арагонским двором была тем естественнее, что, владея обширными землями в Кастилии, арагонский король сам являлся крупнейшим кастильским феодалом (см. P a z y Melia. Op. cit. № 8, p. 13—19).

Считаем, однако, нужным отметить один штрих: венчание Фердинанда и Изабеллы без согласия короля Энрике состоялось под защитой вооружённых горожан (1469). В ходе развернувшейся острой борьбы в Кастилии, которая, начиная с середины 1460-х годов, не раз принимала характер открытой гражданской войны, происходили сложная перегруппировка и переориентация классовых сил. В результате под знаменем Фердинанда и Изабеллы оказалась наиболее прогрессивная часть общества: буржуазия, подавляющее большинство нарождающейся интеллигенции, крестьянство (вместе с мелким дворянством и значительной частью духовенства); и боевой клич тех, кто боролся под этим знаменем, донесённый до нас хрониками и романсеро (народные романсы), гласил: «Арагон и Кастилия!» Подавляющее же большинство прежних аристократических сторонников Изабеллы, в том

числе и архиепископ Толедский, заняло враждебную по отношению к молодой чете позицию. И именно в этой новой расстановке классовых сил, в том, что в борьбу за воссоединение Испании активно вступили могущественные прогрессивные общественные силы, заключалась, несомненно, важнейшая предпосылка того, что, несмотря на все препятствия (восстание феодалов против Фердинанда и Изабеллы, франко-португальская интервенция, дипломатические хитросплетения Людовика и т. д.), арагонско-кастильское объединение всё же смогло стать историческим фактом. «И таким образом на глазах у сверххитреца Людовика, в ближайшем соседстве вырос опаснейший соперник для Франции»⁸⁵.

⁸⁵ Архив Маркса и Энгельса. Т. VII, стр. 33. 1940.